

Глава I

СЛОЖНЫЙ ПОИСК ИСТИНЫ

Когда и как зародилась новая религия, названная христианством? Вопрос, на который обычно отвечают неохотно, — и потому, что не так уж это и просто, и потому, что тема эта спорная, в некоторых моментах щекотливая, основанная на сомнительных источниках. Следовательно, лучше сформулировать вопрос иначе: когда завершается первоначальная, рассветная фаза этой религии? И прежде всего, каким методом пользуются историки для точной реконструкции различных этапов случившегося?

Согласно догматам, официальной датой рождения церкви является Пятидесятница. Пятьдесят дней спустя после кончины Иисуса Святой Дух сначала как ветер, а потом в виде языков пламени сошел на головы собравшихся учеников. Переосмысливая и осовременивая первоначальный смысл ежегодного еврейского праздника, связанного с урожаем и явлением Бога на горе Синай, христианская Пятидесятница рассматривается как новый, Богом данный закон.

Это по катехизису. А в исторической действительности истоки новой религии гораздо более хаотичны и неопределенны. Те две фразы, которые могли бы заставить поверить в намерение Иисуса основать собственную церковь, как мы узнаем в ходе беседы, или были неправильно истолкованы («Ты — Петр, и на сем камне...»), или были добавлены к оригинальному тексту позже («Идите и научите все народы...»).

Для круга последователей Иисуса реальность его смерти — такой смерти! — должна была означать настоящий шок. Человек, пророк, если хотите, долгожданный Мессия, на которого были возложены все надежды, посланию которого поверили всем сердцем, окончил жизнь на постыдном эшафоте. Внезапно

все, кто верил ему, стали соучастниками казненного преступника. Несчастье сразило их — в то время как задерживалось наступление обещанного Царства Небесного. Их прибежищем и спасением стали древние строки Библии, где было сказано о том, что праведники Божьи будут спасены. К этому утешению прибавилась новость о том, что гробницу Иисуса нашли пустой: его измученное тело исчезло. И следовательно, он воскрес к новой жизни.

Евангелия с полной уверенностью утверждают две вещи: что Иисус на самом деле умер на кресте и что многие люди видели его после Воскресения. То есть видели кого-то, кто мог пройти через закрытую дверь, неожиданно материализоваться перед своими последователями, как это делают призраки, а также есть рыбу и позволить дотронуться к своим ранам, как реальный человек. По мнению историков, подобные явления не столько доказательства его возвращения к жизни, сколько довольно убедительные свидетельства веры в Иисуса его учеников. Весть о Воскресении мало-помалу распространялась все шире и шире, так как поверившие в нее начали странствовать, используя в религиозных целях густую сеть путей сообщений, которую Римская империя создала для армии и торговли.

Все исторические и археологические изыскания демонстрируют, что новая религия в разных местах развивалась по-своему, в зависимости от того, как из уст в уста передавался рассказ о словах и поступках Иисуса. Как утверждают историки, и их убежденно поддерживает профессор Качитти, сначала существовало не одно христианство, а множество различных между собой христианств, которые были более или менее радикальными и более или менее приближенными к первоначальным еврейским корням. Некоторые из этих отличий будут теоретически нивелированы на протяжении веков, а следы других и сейчас можно отыскать в разных конфессиях, провозглашающих себя христианами.

Как бы то ни было, некоторые из этих групп начали думать, что важнее не столько то, что Иисус говорил и творил, сколько

сам факт его Воскресения. Все они, в любом случае, жили в ожидании его славного Второго пришествия, что установит Царство Божье на земле. Новая вера на своей заре не особо отличается от многих еврейских течений апокалипсического толка (ожидание последних дней). Однако это послание воспринималось по-разному в различных еврейских общинах, разбросанных вдоль побережий Средиземноморья (многочисленных, как впрочем и сейчас, в Израиле и за его пределами).

К каким социальным слоям принадлежали адепты новой, постепенно располагающей к себе веры? Согласно гипотезе марксистских историков, главенствующей на протяжении долгого времени, речь шла о самых низших классах — о тех, кого в XIX веке назовут «пролетариями». Но на самом деле более скрупулезные исследования выявили, что среди христиан не было недостатка ни в представителях среднего класса, ни в присутствии очень зажиточных людей.

Важная роль была отведена женщинам, которые зачастую были хозяйками тех мест, где собирались для общей трапезы и причащения — самых повторяющихся ритуалов. Несомненно, эти женщины считались главными в медленно формирующихся общинах. Апостол Павел (о чьих деяниях мы узнаем далее) стремился строго контролировать все проявления веры, прежде всего, чтобы новые верующие не поддавались влиянию других проповедников. В Послании к галатам (3,1) он сурово порицает: «О несмысленные галаты, кто прельстил вас не покоряться истине..?»

Один из вопросов, которые Павел должен был слышать чаще остальных, был, без сомнения, следующий: когда же наступит обещанное Царство Божье? Поэтому его письма изобилуют обещаниями. К примеру, в Послании к римлянам (13,11) он пишет: «Наступил уже час пробудиться от сна, ибо ныне ближе к нам спасение, нежели когда мы уверовали».

Двадцать, тридцать лет после казни Иисуса новые верующие ждут с нетерпением его славного возвращения и царствования. Во многих своих письмах, начиная с Послания к фессалоникий-

цам, Павел пытается утешить всех, чьи друзья и собратья умирают и спускаются под землю, в то время как нет вестей от Христа, вознесшегося на облака.

А тем временем в Иудее сопротивление римским захватчикам становилось все более интенсивным, ранее латентное противостояние между еврейской верой и римскими законами — более явным, множились случаи саботажа, вражды и чистого бандитизма, что делало менее надежными пути и перемещения. Вдобавок усиливался фанатизм zelotim, которые во всеуслышание призывали к борьбе с римлянами.

Печальное событие, в рамках нашей истории, коснется Павла из Тарса. После десятилетних странствий по разным общинам Эгейского моря Павел решает вернуться в Иерусалим. Там его арестовывают римские власти по обвинению в нарушении общественного порядка и, учитывая его статус *civis romanus*, доставляют в Рим на суд императора. Апостол Петр тоже прибывает в Рим. По легенде, обоих казнят в 64 году. Два года спустя иудейское восстание против римлян становится открытой войной, мятежники овладевают Иерусалимом, предсказание ессеев из свитков Мертвого моря, похоже, начинает сбываться: «Наконец Ты выиграл битву. Их тела раздавлены мощью Твоей руки, и никто не захоронит их». Восстание было таким яростным, что некоторые видели в нем признаки Апокалипсиса, долгожданного наступления Царства Божьего.

Ессеи тоже вступили в бой, но были уничтожены. Историк Иосиф Флавий, которого мы уже упоминали, во время этой войны попал в плен и перешел на сторону врагов-римлян. И если это было предательством, то, несомненно, «разумно использованным предательством», потому что именно он при помощи своих сочинений изменит плохой «имидж» иудаизма и представит его в глазах правящего класса и античного общества чем-то внушающим доверия. Описывая разрушение и разграбление Иерусалима после двухлетней разорительной осады, в течение которой голод и чума уничтожили значительную часть населения, он запускает процесс эмаргинации (исключение из жизни

общества. — *Прим. пер.*) и осуждает «фанатиков апокалипсиса», что в дальнейшем будет характеризовать всю историю раввинизма. Самая страшная часть его рассказа — та, в которой он докладывает, с каким ожесточением римские войска, подавив сопротивление, ворвались в город. Он пишет:

В то время, когда храм горел, солдаты грабили все попадавшееся им в руки и убивали иудеев на пути несметными массами. Не было ни пощады к возрасту, ни уважения к званию: дети и старцы, миряне и священники были одинаково умерщвлены. Ярость никого не различала: сдававшихся на милость постигала та же участь, что и сопротивлявшихся. Треск пылавшего повсюду огня сливался со стоном падавших... Все, что осталось, — это фундаментальная стена, которая когда-то подпирала символ центра Израильской земли.

Эта руина (все, что осталось от Храма) сегодня известна как «Стена плача».

Катастрофический результат восстания, разрушение Храма, вывоз священных реликвий иудаизма, бегство тысяч человек из охваченного огнем города представляли собой травму, которую невозможно стереть из памяти народной. В 70 году, на крутом повороте истории, адепты новой христианской веры все еще были одним из еврейских течений. Евангелия не могли не ощутить на себе последствий этих ужасных событий. Каждое из них пыталось передать видение своего автора по поводу миссии зарождающейся религии.

Мои вопросы будут вопросами заинтересованного профана, увлеченного темой, но не компетентного. Я прочитал много книг, чтобы подготовиться к этой беседе, но слишком мало по сравнению с тем, кто будучи истинным исследователем Писания, провел над его изучением годы. Поэтому я буду задавать вопросы, которые могут Вам показаться наивными. Первый

из них касается методики: мне хотелось бы понять, с какими критериями вы, историки Античности, подходите к аргументам таким далеким и во многом таким неясным и непростым.

Методы исследований легко описать, но намного труднее применять на практике. Древние тексты были рукописными, а не печатными. Кроме того, в конкретном случае с Библией и зачастую с творениями святых отцов, манускриптов не счесть. Существует специальная наука под названием «текстуальная критика», основанная великими немецкими филологами XIX века, которая занимается установлением достоверности того или иного текста. Такова база. К ней добавляются различные критерии и инструменты от литературной критики до герменевтики и экзегетики, то есть способы, которые современная наука полагает эффективными для оценки текста и понимания его содержания.

Этот метод подходит как для *Одиссеи*, так и для *Нового Завета*, как для Стендаля, так и для Мандзони. С той лишь разницей, что сама рукописность текста затрудняет работу над ним. Хватит простого упражнения — переписывания от руки одной страницы, тем более под диктовку, чтобы осознать, сколько ошибок можно наделать. Среди прочего, в религиозных текстах ошибки и варианты часто умышленны, чтобы избежать какой-то проблемы, направить чтение в определенное русло и т. д.

Другой вводный вопрос: оставляя в стороне Вашу профессиональную компетентность, какими основными критериями должен пользоваться неспециалист, чтобы лучше проникнуть в суть текстов? Буквально несколько советов.

Вы говорите о практических рекомендациях? Укажу лишь некоторые: всегда иметь в виду обстоятельства, в которых были написаны тексты, и, следовательно, возможные цели их редактирования в историческом контексте тех лет. Тексты Нового Завета часто явно или неявно отсылают к Ветхому Завету, то есть к еврейской Библии, чтобы сделать очевидным то, что благая весть уже присутствовала, хотя бы и в завуалированной форме,

в этих древних текстах, особенно у пророков. Можно сказать, что Новый Завет заключается в «критическом» прочтении Ветхого, стремясь наглядно показать, что с Иисусом завершается великий план спасения, объясняемый Богом во всех строках Библии.

Я постараюсь отвечать на Ваши вопросы как можно более ясно, воздерживаясь от излишней терминологии. Однако время от времени я вынужден буду прибегать и к более тонким различиям, хотя буду стремиться сохранять популяризирующий тон, даже ценой некоторых упрощений. Мне кажется правильным, чтобы читатель без особого труда смог приблизиться к известной немногим информации. А тех, кто, возможно, захочет углубить свои знания, отсылаю к заголовкам, указанным в библиографии.

Как и когда возникли научные исследования в этой области?

Научные исследования, как я их вкратце описал, — это очевидный плод эпохи Просвещения. Однако у них есть и точно датированная предыстория, символическая, но эффективная — я имею в виду раскол западного христианства из-за Реформации Мартина Лютера в 1517 году.

Понимаю важность этой даты с разных точек зрения. Лютер расколол христианский мир и вывел из-под влияния и доктрины Рима большую часть центральной и северной Европы. Но каким образом Реформация связана с толкованием Библии?

Когда в течение немногих лет христианство разделилось на католиков и протестантов, сразу же возникла теологическая и историографическая проблема: кто же истинный продолжатель традиции? До этого момента традиция была единой, по крайней мере на Западе. А после разрыва католики и протестанты с оружием в руках отстаивали — каждый для себя — законность собственного права наследования. И для этой цели начали рыться в архивах в поисках доказательств, с помощью которых можно будет обосновать легитимность своих притязаний.

Приведу любопытный пример из протестантской среды: Магдебургские центурии. Некий Маттиас Флациус Иллирийский, человек неординарный, не гнушающийся применением даже полицейских и шпионских методов, встал во главу корпорации ученых со всей Европы, чтобы восстановить как можно большее число манускриптов и античных рукописей, зачастую надувая католических священников. Его целью было воссоздать историю христианства так, чтобы она узаконивала протестантские притязания, результатом чего стала слишком тенденциозная интерпретация. Хотя в той же мере тенденциозная, как и книга с противоположной католической стороны: знаменитые *Анналы* кардинала и историка Цезаря Барония. Даже заголовки говорят о многом: *Центурии* реконструируют историю христианства век за веком; а *Анналы* — год за годом.

Фронтальное противостояние с обеих сторон основывалось на сильных конфессиональных предпосылках и не менее сильных пропагандистских намерениях, преодоленных только на рубеже XIX–XX веков как в протестантской, так и в католической среде. В XIX столетии германская филология впервые подошла к исследованиям нерелигиозного характера, иначе говоря, к исследованиям объективным (насколько это возможно). Протестантское богословие либеральных корней оставляет апологетические и полемические цели, чтобы перенять критерии научного типа. Нечто аналогичное происходит и в католической среде под влиянием современного толкования, которое подталкивает к обновленному изучению Библии и трудов святых отцов. Но по сравнению с протестантами, где исследования продолжатся в полной свободе, католические изыскания будут заморожены энцикликой *Pascendi dominici gregis* папы Пия X, которое практически воспрепятствует их развитию.

Расследование подобного наследия логично затрагивает и сам фундамент христианства — Библию. Так начинается долгий путь (в дальнейшем мы рассмотрим его поближе), который прежде всего намеревается установить как можно точнее сам

текст Библии, используя и сортируя внушительный объем рукописей, что передавали ее слова из поколения в поколение.

Любопытно такое недоверчивое поведение Римской церкви, направленное преимущественно на сохранение прошлого, далекое от инноваций и готовое к преследованию тех, кто ей не соответствует.

Действительно, у этой «охоты на ведьм» XX века есть жертвы, в том числе выдающиеся. Эрнесто Буонаюти, один из первых заведующих кафедрой истории христианства Римского университета, подвергся гонениям. Буонаюти был священником, который перенял герменевтические научные принципы, развивавшиеся с XVIII века в протестантском лагере. Ожесточение против него достигло форм, которые я мог бы назвать чрезмерными. Вдобавок, Ватикан оказывал сильное давление на итальянское правительство, чтобы его отстранили от преподавания.

В какие годы произошли эти события? Каков был их исход?

Буонаюти в конце XIX века окончил Римскую папскую семинарию — ту же, где учился Анджело Ронкалли, будущий папа Иоанн XXIII. Рукоположенный в священники в 1903 году, он начал блестящую академическую карьеру. В то же время методы его исследований возбуждали сперва недоверие, а потом и явное порицание ватиканской иерархии. В 1925 году его отлучили от церкви, но он сохранял свою кафедру в Римском университете до тех пор, пока после заключения Конкордата между Италией и Святым престолом его не отстранили от преподавания, поручив исполнение других обязанностей. В 1931 году его наряду с небольшой группой коллег окончательно уволили из-за того, что они отказались присягнуть на верность фашизму. Он не смог возобновить преподавательскую деятельность даже после освобождения Италии (1945 год), потому что, согласно Конкордату, отлученный от церкви священник не мог иметь кафедру в государственном университете. Вскоре он умер — боюсь, от горя.

Знаю, что он оставил несколько томов «Истории христианства», думаю, это его последнее большое творение. Помимо преследований, которым он подвергся, этот текст все еще ценен?

Он является ценным не столько научным, сколько литературным свидетельством XX века. Однако нужно учитывать, что Буонаюти писал до великих открытий в Камране (пустыня Иуды) и Наг-Хаммади (Верхний Египет): его образование относилось по сути своей к XIX веку, со всеми ограничениями, которые тому были присущи. И все же в 10–30-х годах XX века Буонаюти был выдающимся итальянским ученым, признанным на международном уровне.

В подтверждение мне приходит на ум, что, просматривая библиографию по христианству, обнаруживаю подавляющее преобладание немецких и в последние годы англосаксонских трудов. Как бы то ни было, все или почти все из них относятся к лютеранской или протестантской среде.

Действительно, в лучших исследованиях превалируют сочинения протестантов: отсюда численное превосходство англосаксонских языков. Однако в последние десятилетия и в католическом научном «крыле» стали заметны значительные подвижки, прежде всего в Испании и Италии.

В ходе разговора мы надеемся установить с наибольшей точностью, как зародилось христианство, когда и чьими усилиями, благодаря каким событиям и героям. Поэтому мы сразу должны определить, о каком временном отрезке из истории длиной в двадцать веков пойдет речь. Точкой отсчета можно считать кончину Иисуса; а что касается финальной даты, она должна в какой-то мере завершать первую стадию становления этой религии. Куда мы ее поместим?

Согласен с Вами, что мы можем совместить рождение христианства со смертью Иисуса и — что еще важнее — с верой его последователей в его Воскресение. И мы столкнемся с тем, что нужно будет внимательнее изучить, как все произошло на са-

мом деле. Что же насчет итоговой даты, я бы отнес ее к периоду между Константином Великим и Феодосием I, то есть ко всему IV столетию. Если Константин придает христианству статус *religio*, впустив в ряды дозволенных культов, то в течение нескольких десятилетий новая вера из гонимой и всячески преследуемой превращается в имперскую религию, что закрепит эдикт Феодосия. Увидим и последствия такой трансформации, некоторые из которых актуальны и по сей день.

Очерченная Вами эпоха охватывает период в четыре века. Возможно, если возникнет необходимость, нам придется выйти за его пределы, чтобы лучше понять этапы или последствия, которые иногда аукаются и через много лет после событий, о которых Вы поведаете. Ну что ж, начнем?

Глава II

КАК ВСЕ НАЧАЛОСЬ

Один из иудеев средиземноморской диаспоры Шауль или Савл (Павел в латинской традиции), рожденный в Тарсе (Киликия), был человеком мощного интеллекта и бурных страстей, ожесточенным гонителем последователей Иегошуа, а затем, после «травмы ослепления» по пути в Дамаск, не менее ревностным апостолом того же Иисуса.

Неустанно путешествуя, Павел проповедует в синагогах и передает слова Мессии. Уверенный в том, что Бог избрал его для распространения благой вести по миру, он провозглашает, что Христос пришел на землю, чтобы спасти каждого человека, будь он евреем или язычником. В эпоху, о которой мы говорим, синагоги не были храмами только для религиозных церемоний, какими станут с начала IV века. Тогда они являлись прежде всего свободно посещаемыми местами для изучения Торы — центрального ядра Библии.

В античном мире иудаизм давал некоторое социальное превосходство в том плане, что, по сравнению с другими религиями, он излучал сильную национальную общность. Многие «язычники», то есть неевреи, не относящиеся к избранному народу, были поражены речами Павла, когда он цитировал библейских пророков, говорил о наступлении Царства Божьего, приходе Мессии, а потом погружал эти древние слова в злободневный контекст современной жизни. В Антиохии, Коринфе и других городах — везде его проповедь дает обильные плоды. Павел источает надежду на то, что с Воскресением Иисуса из Назарета настала мессианская эра, что будет спасение для всех, и язычники будут избраны наряду с евреями. Невероятная сила его красноречия, авторитет Писания, на которое он опи-

рается, притягательность ритуалов, говорящих о спасении, воскресении, вечной жизни, — все это убедило многих людей стать последователями Иисуса. Мессия обращался к пастухам и крестьянам метафорами и притчами, взятыми из сельской жизни с ее неизменной чередой сезонов; а Павел, пусть и желая сделать широкодоступным его Евангелие, говорит (и пишет) как человек умственного труда, который обращается к интеллектуалам.

В версии Иисуса новая вера была деревенской; а благодаря Павлу она становится городской — и из больших городов доходит до Рима. Павел, как увидим, был на самом деле первым евангелистом как из-за оригинальности его послания, так и чисто хронологически: его деятельность разворачивается через несколько лет после смерти Иисуса.

Нет сомнений, что в столетии, когда христианство потихоньку начало обрисовываться, Павел являлся его самой привлекательной фигурой. Его многочисленные письма демонстрируют личность человека, готового к действиям, требующего послушания, предписывающего своим последователям почтение к власти, начиная с собственной. Красной нитью в его письмах проходят темы Воскресения Иисуса и приближения конца всех времен: каждый должен быть готов к этому событию. Двумя таинствами, отличающими последователей Иисуса от остальных евреев, были церемония инициации, известная как крещение, что переводится с греческого как «погружение в воду», и братская трапеза, свершаемая в память Тайной вечери.

Вначале язычник, желающий стать последователем Иисуса, должен был стать евреем, что было довольно непросто, потому что означало сообразовываться с некоторыми фундаментальными правилами этой веры. Книга Левит (11,46–47) предписывает: «Вот закон... чтобы отличать нечистое от чистого, и животных, которых можно есть, от животных, которых есть не должно». Павел рушит эти строгие законы. По его мнению, даже язычники, которые не соблюдают в полной мере пищевые ограничения (*кашрут*), могут быть допущены к общей трапезе. Другое обязательное требование предусмотрено в Книге

Бытия 17,10–11: «Сей есть завет мой, который вы *должны* соблюдать между мною и между вами и между потомками твоими после тебя: да будет у вас обрезан весь мужеский пол». Обрезание может стать сложной операцией для взрослого мужчины, причем римляне воспринимали его как достойное презрения увечь. Поэтому оно могло стать серьезным препятствием для обращения в новую веру. Также Павел утверждает, что спасение вытекает из милости Божьей, а не из соблюдения Закона. «Нет уже иудея, ни язычника, нет раба, ни свободного; нет мужеского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе», — пишет он в Послании к галатам (3,28).

Чтобы защитить свое мнение, апостол не раздумывая отправляется в Иерусалим на встречу с теми, кого называет «столпами» новой веры: Петром, Иоанном и Иаковом, братом Иисуса, признанным лидером группы. Между Павлом и представителями Иерусалима был достигнут компромисс не совсем проясненной природы, так как источники (сам Павел и Лука в Деяниях апостолов) противоречивы. Достоверно известно одно: что вскоре после иерусалимского перемирия полемика вспыхнет снова — и еще более жаростно. Петр присоединяется к Павлу в Антиохии, где равняется на его линию поведения, трапезничая вместе с язычниками. Павел остаивает для последних возможность не совершать обрезание. Однако до Петра добираются посланцы Иакова, и он берет свои слова и поступки обратно, избегая любых дальнейших контактов с язычниками. Павел пишет: «Когда же Петр пришел к Антиохию, то я лично противостал ему, потому что он подвергался нареканию» (*Послание к галатам* 2,11). Мы наблюдаем не просто один из первых расколов в ранних христианских общинах, улаженных своего рода территориальным разграничением миссии, но и один из первых случаев отхода христианства от иудаизма. Далее увидим, как преодоление иудейской законности вызовет первое отдаление части христиан от общего еврейского дома.

Оказавшись изолированным после столкновения, Павел оставляет Антиохию, куда больше никогда не вернется. И этот

эпизод, по-видимому, знаменует собой поворотный момент в его жизни. «Апостол язычников», как его прозовут, начинает распространять свою веру в Малой Азии и Греции, живя в Эфесе — городе на побережье современной Турции, богатом центре торговли, известном еще и по храму Артемиды, который считался одним из чудес света.

Павел первым из апостолов настаивает на Воскресении, сосредотачивая на данном аспекте свои проповеди, причем делает это с потрясающей силой убеждения и договаривается до того, что без веры в Воскресение надежда верующего напрасна.

Чтобы понять, как возникла эта великая религия, я бы хотел оттолкнуться от Воскресения, то есть от момента, когда некие особы разносят слух о том, что Иисус воскрес или — точнее сказать — что через три дня после смерти его склеп нашли пустым. Кто эти люди и как свидетельствуют об этом событии?

Первый после субботы день, когда жены-мироносицы отправляются к гробнице, чтобы увидеть и привести в порядок останки Иисуса, — важнейший эпизод в евангельском повествовании о Пасхе. Отметим, что свидетелями того, что могила пуста, стали женщины. Тогда у иудеев и в греко-римской культуре показания женщин юридически не имели большого веса, что не преминули поставить в вину ученикам Иисуса.

Это замечание позволяет нам сфокусироваться на фактическом значении не столько исторического повествования, сколько проявления веры. Чтобы понять разницу, мы должны сослаться на самое первое свидетельство воскресения, которое Павел воспринимает из предшествующей устной традиции и передает общине Коринфа: «...Христос умер за грехи наши, по Писанию, погребен был и воскрес в третий день, по Писанию» (*Первое послание коринфянам 15,3–4*). Поскольку это послание датируется 50-ми годами I столетия, несомненно, что воспринятая Павлом формулировка близка по времени к самому событию, то есть к 30-м годам того же века. Очевидно, что Воскресение было ин-

терпретировано как исполнение пророчеств Писания, или же Ветхого Завета, а значит, в перспективе религиозной, а не исторической.

Внимательному взгляду Евангелия, даже в своих разночтениях, дают, на самом деле, одинаковую перспективу: Воскресение Иисуса вписывается в могущественные явления, которыми Бог провозгласил свой план спасения для людей. Такова суть вопроса. Евангелия делают это событие историческим и, если так можно сказать, помещают его в рамки исторического пути первых общин. В связи с чем заслуживает рассмотрения центральная роль женщин, которые не только первыми видят чудо, но и первыми сообщают о нем. Согласно Иоанну, Мария Магдалина, узрев пустую гробницу Иисуса, сразу же рассказывает об этом Симону Петру и ученику, «которого любил Иисус». Вдвоем они прибегают на место, но, увидев лежащие пелены и плат, возвращаются домой. А женщина, напротив, остается и встречает воскресшего, который повелевает ей пойти к братьям и возвестить им: «...восхожу к Отцу Моему и Отцу вашему, и к Богу Моему и Богу вашему» (*Евангелие от Иоанна* 20,17). Мария Магдалина повинуется и так становится первым апостолом, первым посланником и вестником Воскресения.

Павел — человек исключительный, о котором мы должны будем говорить долго, хотя бы потому, что многие считают его истинным основателем христианства. Достаточно сказать, что прибыв последним, он очень скоро становится первым: «Деяния апостолов» рассказывают практически только о нем. Кем были те, кто первыми разносят слух о Воскресении Иисуса?

Первым, как мы уже видели, был именно Павел, не являвшийся при этом непосредственным свидетелем событий. Он даже не принадлежал к кругу учеников Иисуса, наоборот, он появляется в истории христианства, если можно так выразиться, в амплуа преследователя верующих из первых общин.

Почему Вы называете его послания «Евангелием»? Насколько я знаю, канонических Евангелий четыре, а все остальные не признаются ортодоксальным католицизмом.

В этимологическом смысле его послания безоговорочно представляют собой Евангелие. «Евангелие» означает «благая весть», извещение, что Иисус — это Христос, то есть Мессия. С этой точки зрения, тексты Павла — именно Евангелие, хотя и отличаются от типичной манеры письма трех синоптических Евангелий (от Марка, Луки и Матфея) и частично Иоанна. Когда мы говорим об Евангелии как сообщении о таинстве Христа, имеем в виду весь Новый Завет, написанный в разных литературных жанрах: собственно Евангелие, Деяния, Послания и Апокалипсис. В этом смысле Павел является первым глашатаям Евангелия.

Повторюсь, его личность исключительна во всей своей сложности. Можно ли выделить строки, что вбирают в себя суть его благой вести, душу его сообщения?

Их можно «извлечь» из пролога в Послании к римлянам. Павел называет себя апостолом Иисуса, который родился от семени Давидова *из плоти и открылся Сыном Божиим в силе, по духу святыни, чрез воскресение из мертвых (1,3–4)*. Он анализирует фигуру Иисуса в двух плоскостях: исторической, где Иисус из Назарета рожден от семени Давида, как любой из нас рожден от чьего-то семени. Но его явление как Сына Божьего и Мессии достигает своей полноты после воскресения из мертвых.

Здесь возникают возражения. Павел не был непосредственным свидетелем событий. Как же он может утверждать нечто подобное? Какому источнику приписывает такую важную новость?

Видению, или, говоря библейским языком, — явлению. Наша современная восприимчивость не совпадает с некоторыми религиозными формами античного мира. Но читая переписку Павла и то, что описывает Лука в Деяниях, мы убеждены, что речь идет о мистическом, а не историческом опыте. Тем не ме-

нее вместе с Гансом Концельманом, крупным ученым-историком становления христианства, приходится признать, что «объяснение построения церкви содержится в традиции, по которой воскресший Иисус являлся людям». Но что означает само слово «явление»? Думаю, нужно связать его с тем феноменом, когда Бог (а чаще его ангел или знамение) в Ветхом Завете обнаруживает себя — то есть является — патриархам — Моисею, Давиду и Соломону. В «последние времена» подобные видения представляют собой «подытоживание», полноту истины античного опыта: вот почему Павел даже перечисляет их в строках Первого послания к коринфянам: недвусмысленно упоминая в качестве свидетелей Кифу (то есть Петра) и Иакова, брата Господа, а еще всех апостолов и наконец более пятисот братьев (15,3–8).

Другие Евангелия повествуют и о фактах, так сказать, из хроники. Например, о женщине в саду — Магдалине, которая первой видит Иисуса. Откуда появляются эти детали, кто рассказал об этом?

Ни одно из четырех Евангелий, Павел и подавно, не говорит об исторических обстоятельствах и фактической стороне Воскресения. Евангелия повествуют лишь о пустом гробе, об отсутствии. Мы уже упоминали Марию Магдалину, принявшую Иисуса за садовника. Можем процитировать сенсационный эпизод об учениках из Эммауса, которых, в то время как они обсуждают печальные иерусалимские события, догоняет незнакомец (*Евангелие от Луки* 24,13). Они приглашают его на вечерю и в момент преломления хлеба узнают в нем Иисуса, который однако уже стал невидим для них.

Где произошли эти явления?

Лука сосредоточивает в Иерусалиме возникновение церкви и явление Иисуса ученикам. А Марк и Матфей опускают явления в Иерусалиме и переносят их в Галилею. Как же разрешить противоречие? С исторической точки зрения, можно предположить, что в этой северной области существовала другая ав-

тономная община, независимая от Иерусалима и источника Евангелия от Луки. С критической точки зрения, необходимо принимать во внимание, что рассказ Луки отвечает потребностям теологическим, а не историографическим. То, какими он изображает людей и события, обусловлено его «идеалом» церкви, модели, на которой он строит свою «историю», где Иерусалим занимает центральное место.

Но сегодня, двадцать столетий спустя, что мы должны думать, если абстрагируемся от веры и ограничимся чисто исторической плоскостью? В области веры Воскресение не ставится под сомнение, это центральный стержень христианства, как его описывает тот же Павел. А в области истории?

В одном можем согласиться: Воскресение, что бы это ни значило, указывает на присутствие кого-то живого. Христос не мертв, он присутствует. Ангел в гробнице говорит: «Иисуса ищите Назарянина, распятого. Он воскрес, Его нет здесь» (*Евангелие от Марка 16,6*). Он не в царстве мертвых. Он живой. Отсюда до гипотезы любого другого феномена — переход, который невозможно воссоздать исторически. Евангельская традиция говорит только об отсутствии. Иисус воскрес в том смысле, что покинул царство смерти и живет среди своих.

Следовательно, можно говорить о присутствии чисто духовном — например, что его учение не умерло вместе с ним. Дело не в крови, что течет в венах, не в сердце, что бьется, не в ногах, что идут вперед; речь идет о мировоззрении и людях, о том, что объединяет их, что делает их равными.

Подобные возражения возникли сразу же, что демонстрирует знаменитый эпизод с Фомой, который отсутствовал при первом появлении Господа во время трапезы и которому во второй раз было предложено прикоснуться перстом к ранам. Вероятную нематериальность события отмечали уже на заре христианства. Было сложно постичь, что Бог может умереть. И тогда начали говорить о смерти мнимой, как будто

страдал и умер вместо Христа кто-то другой, его заменивший. Проблема физической природы, которую Вы поднимаете, связана не столько с Воскресением Христа, сколько с Воскресением человека Иисуса.

Утверждая это, Вы переносите факт Воскресения из плоскости религиозной в культурную и антропологическую. Возможное воскрешение тел, как и переселение душ или реинкарнация являются довольно распространенными идеями во многих человеческих цивилизациях.

Действительно, сразу сталкиваются между собой две значимые концепции человека: иудейская и эллинистическая. В некоторых кругах греко-римской культуры, внутри которой по большей части рождается Новый Завет (написанный на древнегреческом, не будем это забывать), уже есть понятие бессмертия. Например, в платонической теории бессмертия души. А в иудейских воззрениях тело, осмелюсь заявить, имеет превосходство над душой. Человек сотворен из плоти, души и духа — в иудаизме не разделяют эти части.

Внутри этой концепции установится как догма, что Христос воскрес во плоти. Это способ привлечь человечество к участию в таинстве спасения Христа. Он — Бог во плоти, умирает и воскресает; но каким образом человек может встать на путь спасения? Единственный путь — в телесности, потому что плоть — это то общее, что объединяет человечество с Христом. Строки из Послания Павла к римлянам разъясняют данный аспект. Апостол пишет, что крещение верующего — это участие в Пасхе Христа: «Ибо если мы соединены с Ним подобием смерти Его, то должны быть соединены и подобием воскресения» (Послание к римлянам 6,5).

Ваши размышления — это интеллектуальные построения мистического и чисто конъюнктурного характера. Доказательство Воскресения остается плодом интуиции Павла или, лучше сказать, перенесенной им травмы. Конечно, речь идет об инту-